

Т. Михайлова, аспирантка
Институт литературы им. Т.Г. Шевченко, Киев

**ПРОЗА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И ВАСИЛИЯ СТУСА: К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКИ КЛЮЧЕВЫХ ОБРАЗОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»
И СЦЕНАРИЯ В. СТУСА «ОЖИДАНИЕ»)**

Статья посвящена изучению сходства образов прозы А. Платонова и В. Стуса. Совершён сравнительный анализ ключевых образов земли, дерева, котлована, обнаружены сходные моменты.

Ключевые слова: образ земли, дерева, образ котлована.

Т. Mikhajlova, postgraduate
Shevchenko institute of Literature, Kyiv

**PROSE BY ANDREI PLATONOV AND BY VASYL STUS:
TO THE PROBLEM OF SEMANTICS OF KEY IMAGES
(BASED ON THE STORY OF ANDREI PLATONOV «EXCAVATION» AND THE
SCRIPT OF VASYL STUS «WAITING»)**

This article studies the similarities of images in prose by Andrei Platonov and Vasyl Stus and gives a comparative analysis of key images – earth, tree, and excavation.

Key words: image of the earth, tree and excavation.

УДК 821.161.3-4.09«19»

А. Новосельцева, канд. филол. наук, старший преподаватель
ВГУ имени П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

**ЭССЕИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ
В БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX ВЕКА**

В белорусской прозе конца XX века сформировалось примечательное эстетическое направление художественной интерпретации истории – эссеистское. В произведениях Олега Лойко, Владимира Орлова, Витовта Черопко и других авторов широкий проблемно-тематический диапазон сочетается с жанрово-стилевыми экспериментами.

Ключевые слова: художественная интерпретация истории, эссе, белорусская проза.

Конец XX века – благоприятное время для развития эссеистского направления в художественной интерпретации истории. Это эстетическое явление опирается на доку-

мент, художественный вымысел, базируется на индивидуальном писательском видении исторических персонажей и событий, но со ссылкой на конкретные факты, доработанные писателем.

Эссе – свободный от жестких канонов жанр. Известный его исследователь Л.Г. Кайда отмечала, что «эссе не претендует на глубину философских обобщений, хотя это не исключается; на художественную совершенство образов, хотя в понятии «эссеама» это естественная необходимость; на логическую последовательность, хотя в конце концов все функционально оправдано и увязано» [1: 39]. Такому определению соответствуют «Тайны Полоцкой истории» (1994) Владимира Орлова, «Имя в летописи» (1994), «Правители Великого княжества» (1996) Витовта Черопко, «Слава и бесславие» (1995) Ирины Масленицыной и Николая Богодяжа. Авторы названных произведений высказывали собственный взгляд на события белорусской истории, показывали культурно-исторического деятеля в стремительном потоке времени.

Мощный импульс активному эстетическому утверждению этого направления дал выход в свет романа-эссе Олега Лойко «Франциск Скорина, или Солнце Молодикое» (1990). От романа-эссе «Как огонь, как вода» это произведение отличается меньшей зависимостью сюжета от биографии знаменитой личности, более свободной композицией. Изображение известного деятеля культуры на широком историческом полотне – основная тематическая линия в произведении. Скорина предстает в его романе-эссе титаном эпохи Возрождения, интеллектуальным гигантом, который подражает Аристотелю, Гомеру, Библии. Его волнуют «Житие Евфросинии Полоцкой», наследие Кирилла и Мефодия, он постигает идеи Яна Гуса и Мартина Лютера, но прежде всего остается патриотом родной земли, истинным христианином. Личность Скорины возвышается авторам. Это ярко выявляется через представленное описание начала жизненного пути белорусского первопечатника в главе «Калі гарады становяцца слаўнымі, або Раздзел, у якім вельмі шчыра апавядаецца аб трох слаўных гарадах зямель блізкіх і няблізкіх – аб залатой Празе, мудрым Кракаве, вясёлай Падуді, а таксама аб спрадвечным Полацку, родным горадзе Францішка Скарыны». Писатель подчеркивал неординарность Скорины через метафорическое сравнение с солнцем. Одна из глав так и называлась: «Чалавек-сонца, або Надзвычай незвычайны раздзел трэці, у якім расказваецца пра тое, як лёсам Францыска Скарыны цікавіліся славуцейшы доктар Ёган Фаўст, Вялікі Містр-чарнакніжнік пан Твардоўскі, блазан караля Жыгімонта Станіслаў Станьчык, а таксама гліняны чалавек з Прагі Голем і іншыя». Исторический контекст произведения расширился благодаря повествованию о учителях Скорины (Яне Глаговчике, Матее из Мехова) и его последователях, для показа которых использовались элементы вторичной художественной условности: из будущего звучат голоса Джордано Бруно, Томмазо Кампанеллы, Симона Будного, Василия Тяпинского.

Писатель предпринял успешную попытку реконструировать специфику мышления первопечатника. В представленной автором трактовке Франциск Скорина – великий гуманист и по-своему демократ: «Гісторыя належыць чалавеку – гэта Скарына ведае, аднак ні пра князёў, ні пра каралёў, акрамя пра біблейскіх цароў, Скарына не піша. Не піша, але што і першых і другіх мае на ўвазе, хто гэтага не заўважыць? Аб праўдзе найперш дбаючы, аб справядлівасці найперш дбаючы, ці ж можа ён не ўваходзіць гэтым у размову з тымі, у руках каго сёння скіпетры-берлы, меч як знакі славы, цноты, зацнасці, правасуддзя? Аб

справядлівасці дбае ён: з гэтым клопатам зараз думае над прадмовамі да кнігі «Праму-драсць Божая» і «Царствы», дзе будзе друк законаў Майсеевых» [2: 61]. В яго прадисловиях к переводам Библии, по мнению О. Лойко, четко выявлена определенная жизненная позиция, которая подкреплялась общественной деятельностью Скорины, направленной на улучшение жизни «люда послопитого». Бессмертие во времени принесли первопечатнику его слова о великой милости к той земле, где родился и вырос человек, – versus planus и versus velox, как называет их доктор Фауст, скориновский единомышленник. Из фрагментов истории О. Лойко создал оригинальное прочтение жизненного и творческого пути знаменитого просветителя, которое не всегда совпадает с традиционной интерпретацией этой известной исторической личности. Художественные идеи О. Лойко нашли продолжение в романе-исследовании «Любовь и смерть, или Судьба Максима Богдановича» (1995) Евгения Миклашевского, где прослеживался жизненный путь выдающегося поэта. Автор включил в художественную ткань воспоминания современников Богдановича, архивные документы, предложил свою трактовку спорных моментов биографии через сравнение воспоминаний знакомых писателя. Так, на основе воспоминаний Зоськи Верас Миклашевский утверждает, что образ Богдановича в известном произведении «Стратим-лебедь» Змитрока Бедули имеет лишь приблизительное сходство с прототипом.

«Тайны Полоцкой истории» В. Орлова – возвышенный гимн полоцкой земле. Эта содержательно-стилевая линия провозглашалась в предисловии к произведению. Автор рассказывает о своем родном городе от времен язычества до начала XX века, опирается на факты, но прежде всего стремится выразить восхищение Полоцком и полочанами. Образы князей Рогволода, Изяслава и Брячислава – предмет его особой поэтизации. Писатель подробно характеризовал их государственную деятельность, упоминал также о новгородских и киевских князьях. О князе Рогволоде автор замечал, что, по-видимому, он «быў сынам полацкай княгіні Прадславы, згаданай у дамове, якую ў 945 годзе падпісалі Візантыя і кіеўскі князь Ігар» [3: 28]. Первый полоцкий князь, стремившийся подчинить значительную часть торгового пути «из варяг в греки», отдавал предпочтение более сильному, по его мнению, Киевскому княжеству, а потому хотел выдать свою дочь Рогнеду замуж за Ярополка. Автор упоминал и трагическую историю сватанья Владимира к Рогнеде. Много внимания уделяет писатель личности Изяслава, первого из восточнославянских князей, кого летописцы называли книжником. Именно Изяслав ввел в Полоцке письменность и обучение грамоте, а печать с его именем считается самым древним памятником белорусского письма. После загадочной смерти Изяслава полоцкий престол занял его сын Брячислав, который расширил границы Полоцкого княжества, стал мудрым и справедливым правителем. Рассказ о далеких предках автор направлял в русло решения современных проблем: «Духоўная энергія папярэдніх пакаленняў не знікае – яна жывіць род і ўвесь народ, дазваляе яму выстаць у самыя цяжкія хвіліны. Таму мы і чуюм гаючае ўзрушэнне каля старадаўніх сабораў і на палях слаўных ратных перамог. Але дабратворны ўплыў гэтай энергіі адчувае не кожны, а толькі той, хто захаваў з продкамі «канал сувязі» – памяць пра іх і іхнія дзеі» [3: 25]. Автор как бы между прочим заметил: «Калі б я быў мастаком, дык намаляваў бы два партрэты князёў, якіх нашыя жывапісцы пакуль што не надта песцяць увагаю. Асветнік Ізяслаў схіляўся б над кнігаю, расчытваючы выведзеныя на пергамене пісьмёны, а Брачыслаў гуляў бы з Эймундам у шахматы,

абдумваючы паход на наўгародцаў. У кагосьці з мастакоў-прафесіяналаў зараз з’явіцца на вуснах паблажлівая ўсмяшчакка. Я ж магу толькі нагадаць ім, што ўсе еўрапейскія народы даўно маюць поўныя партрэтныя галерэі заснавальнікаў сваіх дзяржаў» [3: 42]. Орлов стремился развенчать старые социологизированные научные клише в интерпретации прошлого. Это касалось, например, оценки деятельности Ивана IV, Петра I, иезуитского ордена в Беларуси. Эссе, вошедшие в книгу «Тайны Полоцкой истории», написаны в форме беседы автора с читателем. Часто В. Орлов использовал непосредственные обращения: «Паспрабуйма знайсці ў ранняй гісторыі ўсходніх славянаў (дый не толькі іх) прыклад, каб два князі – бацька і сын – трымалі дзяржаву цэлае стагоддзе» [3: 43] и т.д.

Белорусские писатели также обратились к интерпретации исторических фактов, которые ранее многим казались бесспорными. В. Черопко в книгах «Имя в летописи» (1994), «Правители Великого княжества» (1996) рассказывает о выдающихся деятелях белорусского истории X–XVII столетий: это Рогволод, Рогнеда, Всеслав Чародей, Гедимин, Ольгерд, Кейстут и многие другие. В предисловии к книге «Имя в летописи» Черопко обозначил свой подход: «Іншы раз, калі гартаеш кнігі па гісторыі Беларусі, так хочацца за фактамі і датамі гістарычных падзей убачыць людзей, пра якіх у летапісах, або дакументах, або манаграфіях напісана толькі некалькі радкоў, даведацца пра тое, як яны жылі, чаму радаліся і аб чым сумавалі, прачытаць хоць адно моўленае імі слоўца, паглядзець на іх партрэты, каб наблізіць да сябе той далёкі час і стаць сведкам усяму, што некалі адбывалася» [4: 7]. Для писателя история – «гэта не толькі даты падзей і ясныя, на падставе сведчанняў сучаснікаў, факты (хаця іх, безумоўна, трэба ведаць, каб хтосьці не спекуляваў на гістарычнай неадукаванасці народа), але і духоўны скарб, які стагоддзямі збіраўся народам і жывіць ягоную памяць, абуджае нацыянальную свядомасць. Гэта таксама маральныя ўрокі, што засцерагаюць нас ад паўтарэння памылак. Гэта і завет любіць і шанаваш сваю Бацькаўшчыну, завет, перададзены нам бацькамі і дзядамі» [4: 7]. Освещение исторического события или деятельности определенной личности в эссе В. Черопко включало пересказ общеизвестной версии с авторскими дополнениями и гипотезами. Так, в произведение «Рогволод, Рогнеда» писатель вводит несколько своих замечаний. Во-первых, он сомневается в так называемой «норманнской теории» и в подтверждение этого ссылается на то, что первые киевские князья Олег и Игорь в своих договорах с греками клялись не скандинавским Одином, а Перуном и Велесом. Во-вторых, знаменитый ответ Рогнеды сватам новгородского князя «не хачу разуці рабыніча» был, по версии писателя, подсказан княжне отцом, который считал более надежным союзником не новгородского Владимира, а киевского князя. В-третьих, первенец Рогнеды Изяслав скорее всего был сыном не от Владимира, а от кого-нибудь из полоцких бояр, так как Рогволод не хотел, чтобы род полоцких князей прервался. В произведении «Святополк» писатель высказывает гипотезу, что наиболее вероятным инициатором убийства князей Бориса и Глеба мог быть Ярослав, так как для Святополка их смерть не имела прагматического смысла. История, в трактовке писателя, – сфера, полная тайн.

Беллетризации исторических сведений с полным правом можно назвать книгу Владимира Бутромеева «Великие и знаменитые люди белорусском земли» (1995). История через осмысление судеб женщин, которые оставили там свой заметный или малозаметный след, освещается в книге «Слава и бесславие» (1995) И. Масленицкой и Н. Богодяжа. Авторы

достаточно подробно рассказывали о женщинах, которые имели прямое или косвенное отношение к Беларуси: это Предслава, Малуша, Рогнеда, Предслава Владимировна, дочери князя Ярослава Анастасия, Анна и Елизавета, Ефросинья Полоцкая, Софья Витовтовна, Софья Гольшанская, Анна Кобринская, Анастасия Олелькович, Барбара Радзивилл и другие. Образы женщин в русской литературе воплотила Светлана Кайдаш («Сильнее бедствия земного: очерки о женщинах русской истории», 1983), которая обратилась к показу жизни королевы Франции Анны Ярославны, Натальи Фонвизиной, Марии Меншиковой, Натальи Долгорукой, Зинаиды Волконской, Веры Фигнер.

Масленицына и Богодяж отказались от предложенной С. Кайдаш линии на освещение главным образом истории любви известного или малоизвестного персонажа, предложили свой вариант видения исторических личностей и выбрали фактически биографическо-очерковую форму подачи пути героини. Так, в главе «Рогнеда знаменитая и ... неизвестная» авторы напомнили, что наши точные знания о княжне Рогнеде ограничиваются двумя записями из Ипатьевской и Лаврентьевской летописи; не согласились с тем, что белорусские исследователи неизменно выражают симпатию к полоцкой княжне, видят во всех ее поступках патриотическое начало, считают Рогнеду знаковой фигурой отечественной истории. В интерпретации авторов книги, Рогнеда – невоспитанная и гордая натура, которая в молодые годы не имела «никакого представления о дипломатии» и только из-за своего необычного для тогдашней женщины поступка (покушения на жизнь мужа – А.Н.) осталась в истории. По версии И. Масленицыной и Н. Богодяжа, «погляд без рэтушы на любую асобу таго часу можа ў нечым расчараваць. Але для навукі, для дакладных ведаў гэта, верагодна, трэба зрабіць» [5: 35]. Действительно, для науки важен взгляд без ретуши, но сами авторы нередко игнорировали историческую канву в изложении судьбы известных личностей. В частности, ссылка Рогнеды, по утверждению историков, была вызвана не посягательством на жизнь Владимира, как пытаются доказать И. Масленицына и Н. Богодяж, а тем, что великий киевский князь собрался принять христианство и жениться на византийской царевне Анне. Авторы банализировали образы исторических личностей через рассказ на уровне бытового сознания. Так, в главе «Чужая: Елена Ивановна» о великой княгине Литовской говорилось: «Яна нарадзілася вясной 1476 г. у Маскве. Бацькам Алены быў вялікі князь Маскоўскі Іван III, славалюбівы і хітры ўладар, якому падабалася называць сябе царом Маскоўскім і ўсяе Русі. Маці – прыгажуня-византыйка Зоя Палеолаг, жанчына страсная, каварная» [5: 149]. «Слава и бесславие» – произведение не бесспорное в научном и художественном плане, но несомненная ценность его в обращении к интерпретации истории через женскую судьбу.

Акцентирование внимания на вопросах творчества присуще жанрово-синкретическим «Крест на земле и луна в небе» (1991), «Мой брат духовный» (2001) В. Карамазова о пейзажистах Витольде Бельницком-Бируле и Станиславе Жуковском, где в центре внимания – художник как человек, а не как вербальная икона. Дальнейшее продолжение эссеистское направление в осмыслении прошлого получило в книгах «Зерно к зерну» (1996), «Златоуст из Турова, или Какая она, древняя Туровщина?» (2000), «Симеон, сын Полоцка» (2001), «Вспышки далеких зарниц» (2005), «Новолуние над заснеженным путем» (2008), «Святая Ефросинья, или Откуда есть, пошла Полоцкая земля» (2008) Алеся Мартиновича. Этот автор, в отличие от своих предшественников, сосредоточился главным образом на артикуляции значения исторических личностей для современности.

Представители эссеистского направления предложили собственное концептуальное воплощение документальных сведений о событиях и знаменитых личностях белорусского истории, в их произведениях преобладала монологическая форма рассказа от третьего лица. Как эстетическому направлению эссеистской интерпретации истории характерно обобщение и домысливание документальных фактов, их публицистическое заострение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. *Кайда Людмила Григорьевна*. Эссе : стилистический портрет / Людмила Григорьевна Кайда. – М. : Флинта, 2008. – 184 с. – ISBN 978-5-9765-0276-5 (Флинта) (в переплете). – ISBN 978-5-02-034824-0 (Наука).
2. *Лойка Алєг Антонавіч*. Выбраныя творы : [у 2 т.]. / Алєг Антонавіч Лойка. – Мінск : Маст. літ., 1992. – Т. 2 : Францскы Скарына, або Сонца Маладзіковае : раман-эсэ ; штрыхі да партрэтаў. – 1992. – 445 с. – ISBN 5-340-00790-1.
3. *Арлоў Уладзімір Аляксеевіч*. Таямніцы Полацкай гісторыі / Уладзімір Аляксеевіч Арлоў. – Мінск : Беларусь, 1994. – 463 с. – ISBN 5-338-01005-4.
4. *Чаропка Вітаўт Кузьміч*. Імя ў летапісе / Вітаўт Кузьміч Чаропка. – Мінск : Полымя, 1994. – 559 с. – ISBN 5-345-00656-3.
5. *Масляніцына Ірына Аляксандраўна*. Слава і няслаўе : гісторыка-біяграфічныя нарысы пра жанчын, жыццё і дзейнасць якіх звязаны з беларускай зямлёй / І. А. Масляніцына, М. К. Багадзяж. – Мінск : Нар. асвета, 1995. – 255 с. – ISBN 985-03-0227-5.

Стаття надійшла до редакції 08.07.13

A. Новосельцева, канд. філол. наук, старший викладач
ВДУ імені П.М. Машерова, Вітебськ

ЕСЕЇСТИЧНИЙ НАПРЯМОК ХУДОЖНЬОЇ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ІСТОРІЇ У БІЛОРУСЬКІЙ ПРОЗІ КІНЦЯ ХХ СТОЛІТТЯ

У білоруській прозі кінця ХХ століття сформувався визначний естетичний напрям художньої інтерпретації історії – есеїстський. У творах Олега Лойко, Володимира Орлова, Вітовта Черопко та інших авторів широкий проблемно-тематичний діапазон поєднується з жанрово-стильовими експериментами.

Ключові слова: *художня інтерпретація історії, есе, білоруська проза.*

A. Novoseltseva, PhD. Philology, senior lecturer
Vitebsk state university named after P.M. Masherova, Vitebsk

ESSEISTIC DIRECTION OF ARTISTIC INTERPRETATION OF HISTORY IN THE BELARUSIAN PROSE IN THE LATE 20TH CENTURY

The Belarussian story of the end of the twentieth century presents a remarkable aesthetic direction of artistic interpretation of history – esseistic. The rial of the analysis are works by Oleg Loiko, Vladimir Orlov, Vytaut Cheropko and others.

Key words: *artistic interpretation of history, essays, prose of Belarus.*